

Динамика социального развития предполагает постоянные изменения в различных сферах общества, неизбежно приводя к культурным девиациям. Современная европейская цивилизация развивается под влиянием американской массовой культуры. Под влиянием ее культурных образцов существенно меняется облик европейской культуры.

Достигнув сравнительно высокого уровня экономического развития Европа пошла по пути интеграции, унификации моделей социального и культурного развития. В этих условиях обнаружилось серьезное противоречие, которое поставило под сомнение дальнейшее развитие европейской цивилизации. Эти противоречия возникают на разных уровнях развития общества, что является своеобразной реакцией традиционной культуры на единую унифицированную модель.

Американский исследователь Ф. Бок, исследуя культурное взаимодействие, указывал на ограниченность культурных ориентаций в однородной социальной группе. В тоже время, пребывание в чужом обществе, в инокультурной ситуации, может способствовать культурной конфронтации.

Культурная дезориентированность, отчужденность на личностном уровне перерастает в противостояние между отдельными личностями и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными обществами.

Культурное противостояние – культурный конфликт разительно отличается от иных видов конфликта. Культурный конфликт специфичен именно своей идеологической обусловленностью, несовместимостью оценочных позиций, мировоззрения и религиозных установок.

Объединение Европы, европейская интеграция выявило сложные проблемы, которые оказывают существенное влияние на процесс европейской интеграции. Это, прежде всего, отношения стран «старой Европы» с новыми членами, с эмигрантами, наводнившими Европу.

Новые страны пытаются всячески усилить свои позиции в евроструктурах посредством наложения вето на отношения Европы с третьими странами. К примеру, неуступчивая позиция Польши по вопросу заключения газового соглашения с Россией. Неуступчивая позиция отдельных стран оказала существенное влияние на принятие Европейской конституции, спровоцировала рост националистических настроений.

Старая Европа, хотя и инициирует приоритет интернационального в этнокультуре, национальный фактор все же доминирует в скандинавских странах и Ирландии. Некогда стабильная в национальном плане Великобритания вынуждена решать актуальные национальные проблемы Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии. Ценой невероятных усилий посредников удалось усадить за стол переговоров враждующие стороны протестантов и католиков и вынудить их согласиться на создание коалиционного правительства.

Такая страна как Бельгия стоит перед опасностью развала, по причине неурегулированности отношений национальных общин валлонов и фламандцев. Схожие процессы наблюдаются на постсоветском пространстве.

Российский исследователь А.П. Панарин, исследуя этнокультурные процессы, выделил этноцентризм, который предполагает неразвитость, некоторую этническую замкнутость. Роль авангарда в этнокультуре выполняют политизированные филологи, поднимающие проблемы чистоты и ценностей забытых, но сегодня заново востребованных национальных ритуалов и традиций. Тема прошлого превалирует в такой риторике, она предполагает поиск утраченного времени, золотого детства нации, сладкие сны, которые пытаются воскресить [1].

В нормативном отношении проявляется отрицание экономических, политико-правовых и информационно-образовательных универсалий в пользу местных норм, местных общностей и местного опыта.

В политическом отношении это прямо ведет к нарушению правовых универсалий современного гражданства в пользу новых привилегий, связанных со статусом «титального этноса». Деление граждан на «коренных» и «некоренных», «титальных» и «нетитальных» возвращает общество к старому сословному делению и сопутствующим этому привилегиям и дискриминациям.

Этноцентристская культура посягает на большой мир анонимных сил, пытаясь навязать современному человеку семейную модель социума, в которой повинности и привязанности, внешний долг и личная забота, покаяние и попечение сливаются воедино. Такое слияние в современном мире не может носить перманентный характер: оно возможно только в периоды специфического общественного возбуждения, напоминающего общекolleктивное заблуждение.

Литература:

1. Панарин, А.П. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности/ А.П. Панарин. - М., 1999. - 120 с.

С 1982 г. в связи с приходом к власти в ФРГ консервативного правительства Г. Коля в Европе обострился германский вопрос. Основной вектор внешней политики ФРГ в 80-е гг. был направлен на восточные земли, ревниво оберегаемые СССР. К середине 80-х гг. стало очевидным активное стремление Западной Германии к установлению особо тесных отношений с ГДР. Эта тенденция является закономерным следствием раздельного существования немецкой нации на два территориально-политических полюса мировой политики на протяжении трех с половиной десятков лет. Политика Г. Коля в отношении ГДР не имела однозначной оценки со стороны стран-победительниц во второй мировой войне. Целью данной работы является проследить реакцию Великобритании и СССР на активизацию Бонном восточной политики в середине 80-х гг., а также выявить основы позиций данных государств.

Идейная основа внешнеполитического курса ФРГ была заложена еще в марте 1983 г. в правительственной речи Г. Коля, в которой канцлер призывал «не смиряться» с существовавшим положением Германии и поддерживать «создание единства Германии и совместной германской культуры и истории» [2, с. 47]. На основе германской политики правительства причислялся договор 1954 г. и решения конституционного суда ФРГ от 1973 и 1975 гг., которые не признавали вечными и нерушимыми послевоенные границы и предусматривали возможность их изменения, но только в перспективе. Следующим камнем в строительстве курса отношений с ГДР был отчет правительства ФРГ «О положении нации в разделенной Германии» в марте 1984 г. Г. Коля заявил, что отношения ФРГ и ГДР еще далеки от нормы, а также подчеркнул, что для Бонна европейская и германская политика – это две стороны одной медали [13, р. 7]. 2 мая 1984 г. Г. Коля заявил во время выступления в Оксфорде, что «все соседи (ФРГ) должны понять – действительный, прочный мир в Европе наступит только тогда, когда немцы получат возможность самостоятельно определять свой путь в истории» [2, с. 51]. Подобные заявления канцлера Западной Германии не могли не насторожить СССР, который, однако, временно сохранял спокойствие, помня о восточных договорах, заключенных ФРГ с социалистическими странами в 70-е гг. Совершенно неожиданным для Москвы стало выступление канцлера ФРГ в сентябре 1984 г. на съезде «Союза изгнанных». Г. Коля в своей речи прямо указал, что восточные договоры «не превосходят решения германского вопроса» [6, с. 89]; а вскоре после этого профессор из Вюрцбурга Д. Блуменвиц констатировал, что «ни в одном из восточных договоров не установлены границы будущей воссоединенной Германии» [6, с. 90]. Реакция СССР была незамедлительной: в адрес правительства Коля посыпался град обвинений в «реваншизме», восточная политика ФРГ в этот период стала неотделима по понятиям СССР от «реваншистских устремлений». Серия публикаций в советских газетах и научных журналах того времени, посвященная рассмотрению внешней политики ФРГ, неизменно акцентировала внимание на стремлении Западной Германии силой овладеть восточными землями [2, с. 51-54; 6, с. 88-91; 7, с. 111-114; 1, с. 60-68]. В начале августа 1984 г. в связи с подготовкой визита главы правительства ГДР в ФРГ ряд советских газет поднял шумную кампанию против запланированной поездки Э. Хонеккера. Советский союз обвинял ФРГ в усилении реваншистских тенденций, имеющих целью возвращение утраченных после второй мировой войны земель. Особо подчеркивалось, что «реваншистские» устремления возросли после размещения на территории ФРГ американских ракет среднего радиуса и усиления западногерманского милитаризма в целом [13, р. 5]. Решение о размещении ракет США на территории ФРГ было принято в бундестаге еще в ноябре 1983 г. [8, с. 78] и вызвало крайне негативную реакцию со стороны СССР. ГДР не придавала особого значения критическим замечаниям, исходившим со стороны советской прессы, и визит Э. Хонеккера не был отменен. Лидер ГДР выразил несогласие с позицией Москвы, будто советская коммунистическая партия опираясь на свой исторический опыт имеет право выражать несогласие и осуждать правительственные мероприятия ГДР [14, р. 6].

Реакция Великобритании на происшедшие события была неоднозначной. С одной стороны, Лондон осуждал вмешательство СССР в германо-германские отношения. Английская пресса соотнесла эту политическую линию Москвы с позициями министра обороны Д. Устинова и министра иностранных дел А. Громыко, которые «стояли за кампанией, направленной на срыв формирования более тесных отношений между двумя немецкими государствами» [13, р. 5]. С другой стороны известно, что глава консервативного правительства Великобритании М. Тэтчер довольно холодно относилась к стремлению Г. Коля наладить контакты с социалистическими странами, в том числе с ГДР. Премьера настораживала прежде всего перспектива скорого политического объединения Европы, которое форсировала ФРГ с неизменным указанием на объединение Германии.

Тэтчер была не против самого объединения Германии, но ее беспокоили экономический и военно-политический аспекты этого процесса. Экономическая жизнь стран Западной Европы к